

НОВАЯ ПОЛЬША

4 / 2011

Мартин Корнак

СЛАВЯНСКОЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ

Текст этот я начну, пожалуй, с личной ноты. Сколько я себя помню, моей величайшей мечтой и единственным принимавшимся во внимание жизненным планом было стать археологом. И, хотя меня очень интересовали Древний Египет, Месопотамия, Китай, но по-настоящему увлекательной была — и остается доньше — история Польши раннего средневековья; у нас это период между VI и XII веками.

Это временное пространство интригует не только своим переломным характером и таинственностью, порожденной, среди прочего, сильной нехваткой или вообще отсутствием письменных источников, но и своим значением, важным, в частности, и для нашего настоящего. Сущность духовных последствий той эпохи выразила Мария Янион в своем «Удивительном славянстве»: «Возможно, вслед за некоторыми романтиками нужно предположить, что многие из славянских племен подверглись путем завоевания «плохому крещению» и оказались силой оторванными от своей прежней старинной культуры. В этом следует искать важные причины какой-то трещины, какого-то унижения, какой-то увечности, ощущаемой на протяжении столетий». И далее: «Романтическое и постромантическое творчество постоянно открывает нам глаза на это состояние болезненного забвения или неопознанности. Оно проявляется в специфической славянской травме, в чувстве принадлежности к слабейшим и потерпевшим, поработанным и униженным, лишенным какого-то скрытого наследия, несправедливо забытым и либо отодвинутым на обочину, либо раздавленным тем процессом, который назван историческим прогрессом».

Жизнь пошла иначе, и стать археологом мне не было дано, но увлеченность далеким прошлым по-прежнему продолжается. Ее строило и укрепляло чтение книг Ясеницы, Гейштора, Лябуды, Ловмянского, но вместе с тем и Мицкевича, Словацкого, Крашевского, Антония Голубева. Получается целое собрание сочинений, которые завладели воображением многих, — и прямо-таки удивительно, что кое-кто из них сделал из этих видений идеологическое оружие.

Славянство, которым злоупотребили

Языческое славянство уже много лет служит объектом идеологических злоупотреблений и манипуляций или прямой профанации. Поскольку о нем сохранилось очень мало письменных источников, а благодаря тем, которые дошли до нас, от забвения уцелели и спаслись лишь крохи религиозных верований, мифов и исторических сведений, дохристианское наследие нашего народа стало занимательным пространством не только для разномастных фантастов и «чокнутых», но и для расчетливых идеологов, которые пытаются эксплуатировать его как поприща нового националистического мифа. Они

обнаруживают в нем такой нарратив, куда можно помещать любые националистические фобии и комплексы и реагировать на них.

Захват и фальсификация славянского мифа крайне правыми силами протекают главным образом по двум направлениям. Старшее из них, панславизм (его часто путают со славянофильством, возникшим среди мыслителей царской России первой половины XIX века), хотя и родился в Чехии, но реализуется главным образом под знаком русского империализма и национализма. Вторая манипуляция славянским мифом — это младшее на несколько десятков лет и в настоящее время более популярное фашистское неоязычество, ассоциируемое в первую очередь с довоенной идеей задруги — «исконной», первозданной славянской родовой общины — авторства Яна Стахнюка Стойгнева.

Мария Янион описывает эту двунаправленность следующим образом: «Я понимаю возникающие опасения, особенно одно из них, польское: приписка к славянству может возбуждать подозрения в «славянофильстве» или «панславизме», понимаемых как подчинение русскому империализму, который всегда маскировался лозунгом «славянского единства» и действовал под вывеской: «Мы, братья-славяне». Проблема «Польша—Россия» проявлялась здесь во всей своей мучительной внушительности. (...) Второе опасение связано с тем фактом, что каждый этнический миф, миф племенной принадлежности легко становится наживкой для национализмов и кормом для фашистов. Так, к примеру, обстоит дело в случае довоенной идеи «родославизма» — сочетающего нацию и расу — в изложении «Стаха с Варты», скульптора Станислава Шукальского, создателя знака «Топорла» как герба Польши, достойного «родославянского молодняка» (расистски-национального). По сей день в национально-радикальных кругах остаются популярными и идеи Яна Стахнюка, который до войны сформулировал идеологию задруги — родовой общины, представляющей собой образец для будущей национальной общины».

Концепции, создаваемые на нужды современных политических игроков и использующие категорию славянства, обычно имеют с ним самим мало что общего и служат всего лишь удобным фасадом. Первое злоупотребление — полная внеисторичность этих «задумок»: в них входят отсылки к наполовину легендарной действительности свыше тысячелетней давности, обосновывающие идеи, возникшие в середине XIX века. Ибо что же общего у только-только объединяющейся совокупности крохотных славянских племенных государств, лишь с исторической перспективой именуемой Польшей Пястов, с эндекоподобным отношением к национальности? Тем более что пястовский «польский дух» был открыт к другим этносам, религиям и языкам. На протяжении столетий он притягивал к себе представителей десятков из них и мирно с ними уживался, видя в этом шанс на обогащение и укрепление государства. В принципе вплоть до самой контрреформации и изгнания из Польши ариан в 1658 г. практика приглашения и поселения пришлого «элемента» и поисков силы в разнообразии была неизменным свойством польской государственной политики. Отказ от этого прямо связан с упадком и концом Первой Речи Посполитой. От попыток встраивать эту действительность в ограничительную концепцию нации как общности, создаваемой на этническом единстве, несет фальшь и искусственность. И эта концепция полностью с ней несовместима, точно так же, как ксенофобия, национализм, шовинизм или расизм — основные компоненты идей, обращающихся к славянству как этнически «чистой» Аркадии, которая спаяна героической языческой религиозностью.

Картина славянской религии, выстраиваемая в национально-неоязыческих проектах, выступает прежде всего как идеологический кулак, нацеленный в иудео-христианские концепции милосердия, смирения, любви ко всякому ближнему и готовности поставить вторую щеку, и обычно она представляет собой их более или менее облагороженную антитезу. И это еще одно злоупотребление, ибо, чем бы ни была по своей сущности первозданная религия славян, ее наверняка не формировали комплексы с подкладкой антисемитизма.

Не менее искусственной и бесосновательной идеей выглядит создание из языково-этнического побратимства славянских народов главной причины для построения ими какой-то надуманной общности — тогда как в действительности «братские славянские народы» часто оказываются один для другого самыми ожесточенными врагами, что особо отчетливо иллюстрирует пример Сербии и Хорватии. То же самое касается ситуации, когда

подобные аргументы выдвигаются как легитимация «естественного» главенства России над остальными членами славянской семьи.

Панславизм и славянофильство

История этой политической концепции восходит непосредственно к романтическому перелому, который в числе своих программных требований нес, в частности, еще и культ «свойского», простонародного, то есть глубокую приверженность легендарным первоначалам отдельных наций. На польской почве эти идеи вызвали к жизни гениальные произведения литературы: Мицкевича, Словацкого и Красинского — либо переломные научные достижения Зориана Доленги-Ходаковского (Адама Чарноцкого), которого Павел Ясеница счел первым археологом в истории Польши, а Мария Янион посвятила ему целую главу своего «Удивительного славянства», — но в то же время и товянщину, мессианизм и славянофильство, а на несколько более дальнем плане еще и национализм.

Тенденцию обращаться к славянству и искать в нем культурно-художественное вдохновение, первоначально идеологически индифферентную, уже в 30-е годы XIX века проповедники русского империализма принялись перековывать в компактную консервативную политическую доктрину с сильной антизападнической окраской.

Русское славянофильское движение вдохновило возникновение и развитие панславизма как идеи сугубо политической, а частично и покровительствовало ему. У панславизма было много различных тенденций и мутаций, но все его разновидности единодушно предполагали (коротко говоря) объединить славянские народы в одну федерацию во главе с Россией. Крайние его течения выдвигали даже требование обязательного перехода в православие (как бы «естественное» применительно к старой русской идее о Москве как Третьем Риме) и даже принятия русского языка как всеобщего инструмента общения. Политически острое панславизма было нацелено против приходящей в упадок Оттоманской империи — отсюда его популярность среди южных славян, особенно православных (между прочим, именно в панславизме лежат корни современных пророссийских настроений у болгар и сербов), — а также против империи Габсбургов. Из-за этого второго фактора сильнее всех панславизмом захлебнулась Чехия.

По причинам, которые в свете вышесказанного очевидны, среди поляков панславизм и его последующие мутации обрели меньше всего приверженцев. Трудно ожидать от наших предков какой-то необыкновенной пророссийской предрасположенности, особенно учитывая, что Российская империя была главным внешним виновником падения Первой Речи Посполитой, а поляки под ярмом царизма страдали сильнее всего, тогда как в австро-венгерской Галиции они пользовались относительно большой автономией, а в Турции видели скорее союзника в борьбе с российскими преследованиями (главным образом с русификацией), чем зловещую тиранию. В этом месте можно упомянуть казус Польского легиона Адама Мицкевича или случай Юзефа Бема, который, ища в Турции опору для польских национально-освободительных устремлений, стал фельдмаршалом турецкой армии, перешел в ислам (вместе с ним это проделало свыше шести тысяч поляков) и стал называться Амурат-пашой.

Промосковское наследие

Величайший парадокс панславизма состоит в том, что в наших краях его энергично поддерживали главным образом эндеки (национал-демократы) во главе с их главным идеологом Романом Дмовским, иными словами, та политическая альтернатива, которая громче всех говорила о национальной гордости и чести, о патриотизме, польском духе. Дмовский и его приспешники приняли участие в неопанславистском Славянском съезде, проходившем в Праге в 1908 году. Этот пророссийский кульбит и его туманные цели стали для многих старых эндеков шоком, и в 1907-1909 гг. из Национальной лиги вышло около одной пятой членов, а многие из примыкавших к ней организаций разорвали контакты с Лигой.

В любом случае одной из черт современных неоэндецких партий стал их пророссийский характер. Он представляет собой несомненное наследие панславизма, присущего последователям Дмовского. Крайне промосковская позиция этих групп находит свое

выражение и в их явном отстранении от проблематики независимости Белоруссии и Украины. Достаточно вспомнить ту холодную сдержанность — со стоящей за ней недоброжелательностью или, быть может, даже презрительным пренебрежением, — с которой польские националистические круги отнеслись к «оранжевой революции». И уж совсем символическим проявлением таких фобий был протест великопольской группы «Всепопольской молодежи» против предоставления стипендий студентам из Белоруссии. Еще более карикатурные формы принимает эта тенденция на страницах еженедельника «Мысль польска», в публикациях которого Украина воспринимается почти исключительно сквозь призму националистических чисток на Волыни во время Второй Мировой войны.

Это рабское цепляние за пророссийские настроения с подкладкой панславизма вовсе не поражает — интеллектуальное убожество современных наследников Дмовского замечают даже отдельные его «приверженцы». Посему этим кругам не остается ничего, хоть сколько-нибудь выходящего за рамки непрерывного, «лунатического» воспроизведения идей и замыслов верховного идеолога.

Постсоветский панславизм

Современное пророссийское славянофильство не принадлежит, деликатно выражаясь, к доминирующим факторам польской общественной жизни, но по-прежнему всё-таки продолжает находить изрядное количество идейных представителей. Один из наиболее страстных — Болеслав Тейковский и его «Польское национальное содружество» (ПНС). Этот сегодня уже несколько подзабытый политик крайне правых взглядов и основанное им в 1990 г. ПНС (ранее — «Польское национальное содружество — Польская национальная партия», а первоначально — «Польский союз национального содружества») были в Польше 1990-х главными выразителями ультрарадикального антисемитского национализма и повсеместно ассоциируются главным образом с вербовкой сочувствующих среди переживавшей тогда свой апогей субкультуры наци-скинов. На исходе десятилетия Тейковский ограничил антисемитскую риторику, став — для выхода из среды политических маргиналов — искать некое противоядие в нарочито демонстративном панславизме и пророссийском подходе.

Представители ПНС уже в 1991 г. участвовали в Ленинграде в учреждении международной организации «Славянский собор» — конфедерации похожих на их партию крайне правых и ксенофобских группировок из всех славянских стран Европы. В 1996 г. она трансформировалась во «Всеславянский собор». Многолетняя заместительница Тейковского Барбара Кригер стала представительницей его польского регионального отделения, которое в 1998 г. было переименовано в Польский славянский комитет (ПСК).

Кроме «Всеславянского собора» существуют еще и конкурирующий с ним «Международный славянский форум», в Польше с ним связана столь же маргинальная партия «Славянский союз».

Евразийство — панславизм XXI века?

Ну, разумеется, «Самооборона»... Если спросить лиц, не особенно интересующихся политикой, какая из партий в современной Польше самая пророссийская, они наверняка чаще всего укажут на группировку Леппера. Пророссийская направленность или даже русофильство — это само по себе не такая программная характеристика, которую во что бы то ни стало надлежит клеймить, однако у «Самообороны» за декларируемой заботой о хороших отношениях с Россией скрывается целый комплекс подозрительных связей, а также закулисных и двусмысленных контактов с кругами весьма темного происхождения.

Применительно к Лепперу и его сотрудникам вышеназванная «пророссийская направленность» проявляется в целой серии выступлений, легитимирующих любые начинания, которые укрепляют позицию России в роли всеславянского гегемона. Достаточно напомнить об активности членов «Самообороны» в роли наблюдателей на выборах в России, Белоруссии, Приднестровье и их вердикты, на сто процентов отвечающие интересам Кремля.

Кроме самого партийного вождя особым рвением в этих действиях выделялся Матеуш Пискорский. Этот бывший наци-скин, фан жанра NSBM, издатель неонацистских

журналов «Одала» и «Ведера», активист неонацистско-неоязыческого Объединения за традиции и культуру «Никлот» использует оба способа фальсификации и искажения славянской традиции. С одной стороны, он ссылается на панславизм, культивируемый русским имперским шовинизмом, с другой — прибегает к идеям и замыслам из сферы примитивного неоязычества (которое, пожалуй, надо поставить в кавычки), используемого как эксцентрический стаффаж, привлекательная сценография проектов «донационализации нации».

Пискорский (к неоязычеству в его варианте мы еще вернемся) нынче принадлежит к приверженцам идей, которые выдвигает Александр Дугин — популярная «среди неонацистов личностью, один из творцов русской имперской идеологии национал-большевизма»¹. Пропагандирует он и взгляды Валерия Коровина, идеолога экстремистского Международного евразийского движения. В мае 2005 г. после визита в Москву Пискорский даже стал представителем Евразийского союза молодежи² (ЕСМ) в Польше.

Одна из мутаций польского ЕСМ — «Славянский союз», маргинальная организация, которая 22 августа 2008 г. у посольства РФ в Варшаве демонстрировала в поддержку российской политики во время конфликта с Грузией.

Националистическое неоязычество

Порядок расположения этих двух терминов не случаен. В неоязыческих проектах религиозно-мистический аспект, насколько он вообще присутствует, — всего лишь театрализованное обрамление квази-ритуального маскарада, иногда — какое-то трансцендентальное требование, в лучшем случае балансирующее на грани индивидуального «хотения». У создателей этих проектов по-настоящему идет в расчет только их «национальный» костяк, а вопрос языческого славянского политеизма извлекается из сферы коллективного бессознательного лишь в чисто утилитарных или попросту орнаментальных целях.

Лучше всего это иллюстрирует мнение Антония Вацыка, одного из главных представителей «Задруги» (довоенной полуфашистской неоязыческой организации), летописца и биографа ее создателя Яна Стахнюка: «Есть и такие, кто грезит о каком-то неоязычестве, о воскрешении культа древних славянских богов. Истуканов оставим истуканам. К славянской древности мы прибегаем не ради того, чтобы воскрешать примитивные верования, освежать и обновлять давно уже омертвелые формы; мы обращаемся к нашему языческому прошлому как к духовной колыбели, потому что в природности первозданного славянства видим подлинный, правильный и здоровый этап исторического развития польского человека».

На польской почве хронологически первой националистически-неоязыческой группой было возникшее в 1929 г. «Племя Непокорное сердце»³, основанное Станиславом Шукальским, который и разработал расово-национальную идею родославизма. Она предполагала радикально отменить все иудео-христианские традиции — разумеется, исходя и из антисемитских побуждений — и полностью изменить модель польского духа на основе первозданной славянской родовой общины и ее «исконной» силы. Шукальский был эксцентричным человеком искусства (скульптором), но наряду с этим — полуфашистским идеологом с ультрарадикальными взглядами. И этим фактом нельзя пренебрегать, так как идеологии несут за собой последствия — часто трагические и преступные. Однако до сих пор, на наше счастье, не сложились обстоятельства, благоприятствующие воплощению родославизма в жизнь.

Хотя «Племя» Шукальского было на несколько лет старше, но с учетом как идеологических последствий, так и предельного фундаментализма пальма первенства в создании стенового хребта отечественного польского национал-язычества принадлежит уже упоминавшейся «Задруге». Рафал Панковский так описывает эту группу в своей работе «Где кончается патриотизм... Из истории польских полуфашистских групп. 1922-1992»: «К числу самых последовательных, экстремальных, хотя и незначительных относилось неоязыческое движение «Задруга», сосредоточенное вокруг одноименного националистического еженедельника. Это название означает праславянскую племенную общину. «Задругане» обвиняли христианство в негро-семитском происхождении и в его

роли чуждого инструмента, извращающего национальный характер. Они обращались к извечной «подлинно исконной» религиозности, к древнему быту, нравам, обычаям и морали — точно так же, как это делали отдельные элитарные круги в нацистском Третьем Рейхе».

При описании личности Яна Стойгнева Стахнюка, лидера и идеолога «Задруги», знаменателен тот факт, что в написанной им в 1943 г. работе «Вопрос тоталитаризма» он обвинил нацистов... в непоследовательности при претворении в жизнь национальных идей, в том, что они останавливаются на полпути, недостаточно вмешиваясь методами социотехники в глубинную духовную сферу общества и в либерализм (!).

Слово «задруга» отсылает к праславянской родовой и племенной общине, опирающейся на узы крови. На этом-то этно-племенном аспекте заострялось внимание главных «задружан». Стахнюк называл свою концепцию «культурализмом», ибо ее задачей была фундаментальная перестройка польского духа, и, что удивительно, в процессе работы сильно вдохновлялся сочинениями ведущих эндеков — монографией Зыгмунта Балицкого «Национальный эгоизм и этика», а также ранними работами Романа Дмовского. Это, однако, мнимый парадокс: в долгой истории польского национализма можно перечислить десятки и сотни случаев, когда даже такие группы, которые были предельно далеки друг от друга, всегда встречались на почве антисемитизма, и этого единственного связующего звена хватало, чтобы заключать союзы и сотрудничать. В уже цитированной нами работе Панковский пишет об этом: «Симптоматично, что резко выраженное отличие от Национально-радикального движения, демонстрировавшего свою привязанность к католицизму, не мешало (...) «Задруге» считать наиболее близкой в идейном плане организацией именно... «Фалангу» [крайнее, близкое к национал-социализму крыло национал-радикалов. — *Ред.*]. Так же считал и журнал «Крак», связанный с неоязыческой артистической группкой С.Шукальского «Племя Непокорное сердце». Имеет смысл обратить внимание на феномен родства взглядов «Задруги» и крайних представителей национал-радикалов — теоретически невозможного. Это многое говорит о чисто предметной трактовке религии на службе крайне «национальным» патологическим идеологиям».

Идеи «Задруги» продолжали существовать законсервированными в жестянке ПНР, чтобы выскочить на дневной свет вместе с ее крахом. Уже в 1989 г. во Вроцлаве Антони Вацык вызвал к жизни издательство «Топорел», графическим логотипом которого служит творение Шукальского. Там печатаются книги по истории «Задруги». Надо признать, что группировка Стахнюка и его доктрина стали источником вдохновения для многих из современных ультраправых неоязыческих организаций: «Объединения родной веры», «Национального концептуально-исследовательского коллектива», «Общественно-национальной унии», Объединения за культуру и традиции «Никлот», Объединения патриотической молодежи «Свящница», Националистического объединения «Задруга» и всяческих разрозненных групп наци-скинов и блэк-металлистов. В начале 1990-х в Торуне существовала даже скинхедовский неоязыческий уличный оркестр «Задруга», который несколько лет спустя поменял название на НаРа (от «национальный радикализм») и перешел на ультракатолические позиции, став ансамблем-визитной карточкой «Национального возрождения Польши» (НВП). Его лидер Славомир Уртновский теперь возглавляет НВП в Торуне.

«Объединение родной веры»

Вернемся, однако, к хронологическому порядку. В самом начале 1990-х во Вроцлаве под влиянием «Задруги» и в тесном контакте с издательством «Топорел» начало формироваться сообщество, которое в 1996 г. зарегистрировалось через суд в качестве официальной конфессиональной группы «Объединение родной веры» (ОРВ). Руководитель ОРВ и его центральная фигура — Станислав Потшебовский, он же Сташко из Вроцлава.

В своих программных документах («Вероисповедное кредо лехитов») ОРВ провозглашает глубинный экологизм, культ предков и природы, но вместе с тем и силы («Жизнь — это борьба, как и борьба — это жизнь»), а также радикальный детерминизм, разновидность социального дарвинизма: «Смерть индивида была и остается необходимой для

постоянного развития рода и вида. Нация же в своем существе потенциально бессмертна и постоянно обновляется». Приведем еще две цитаты: «Лехитская польская нация и лехитские соседи принадлежат вместе с остальными славянскими нациями к великому роду арийских народов Европы. Мы хотим возобновить разорванное много веков назад единство между нами, а также единство между нашим происхождением и вероисповеданием, чтобы это стало опорой духовного и материального бытия нации. ПОЛЬША-ЛЕХИЯ-СЛАВА-АРИИ — такова наша миссия — СЛАВА им!» («Кредо»); и еще: «Антисемитизм — это противопоставление узурпаторам-евреям, утверждающим, якобы они были «народом, избранным Богом», якобы они были «исключительным народом», «народом-феноменом», призванным господствовать над миром». ОРВ проявляет также активность на международном форуме, участвуя в создании «Объединения родных вер Европы» и Балтийско-Славянского координационного центра, действующего в Вильнюсе.

«Национальный концептуально-исследовательский коллектив»

В начале 1990-х в Варшаве стал выходить журнал «Живел» («Стихия»), одно из первых неоязыческих изданий в Польше. Он также обращался к опыту «Задруги», о чем свидетельствовала стилизованная характерным способом свастика (четыре квадрата, надвигающихся один на другой), которая употреблялась «Задругой», а теперь стала логотипом журнала. Первоначальные выпуски выходили в порядке частной инициативы создателя журнала Анджея Вылётэка. Последующие уже подкреплял своим именем «Национальный концептуально-исследовательский коллектив».

«Общественно-национальная уния»

Гораздо более шумной была «Общественно-национальная уния» (ОНУ), которая благодаря финансовым возможностям своего лидера Антони Фельдона вступила на политическую сцену весьма эффектно (масса листовок, брошюр, стикеров). ОНУ со своим антикатолическим настроем пробовала подключиться к тогдашней (1992-1994) волне антиклерикализма, а также завоевать поддержку в экологическом движении и в рядах альтернативной молодежи. Неосведомленность этих кругов относительно природы ОНУ (ее национализма по типу «Задруги») длилось недолго, и заигрывания этой организации, за малыми исключениями, закончились полным фиаско. После первоначального успеха и последующих нескольких лет довольно-таки маргинальной деятельности активность ОНУ замерла. Всякие возможные сомнения насчет характера ОНУ окончательно развеивает интервью с членом ее национального правления и главой молодежной секции Даниэлем Мидером, которое он дал Матеушу Пискорскому и издаваемому тем малотиражному фашистскому скин-журналу «Вадера» (1996, №1). Мидер открыто провозглашает в этом интервью: «Мы — польские национал-социалисты».

Объединение за культуру и традиции «Никлот»

На рубеже XX-XXI веков самой активной и известной неоязыческой организацией крайне правых было Объединение за культуру и традиции «Никлот». Группу основал Томаш Щепанский, бывший депутат Варшавского городского совета.

Щепанский «прославился» в 2000 г., когда в высказывании для еженедельника «Нове паньство» («Новое государство») объявил, что охотно взял бы на себя командование расстрельной командой, которой бы поручили исполнение смертного приговора Адаму Михнику и Ежи Урбану, — еврейские корни их обоих выглядят здесь не случайными. То же самое заявление он повторил еще четче («Урбан и Михник — это враги Польши и поляков, действующие внутри нашего национального организма, а каждый должен нести ответственность за последствия своего поведения») на страницах журнала «Одмроча», ультранационалистического, неоязыческого и оккультнистского издания, связанного с английской расистской сектой «Order of the Jarls of Balder».

Главным форумом для представления своих идеологических взглядов он сделал публикуемый им самим журнал «Триглав». Как это издание, так и, в общем-то, весь «Никлот» демонстрировали жесткое следование принципам «Задруги» наряду с полным набором фобий, типичных почти для всех польских националистических группировок: резко отрицательное отношение к ЕС, протест против НАТО, антинемецкая и

антиеврейская одержимость, антиамериканизм, ксенофобия, в некоторых случаях (назовем хотя бы щецинское отделение «Никлота») — нескрываемая симпатия к самым кардинальным формам расизма и нацизма. В подзаголовке «Триглава» стояло: «Метаполитический ежеквартальный журнал». Употребленному при этом понятию Щепанский давал следующую дефиницию: «“Метаполитика” — это те сферы культуры, которые определяют рамки наших возможностей выбора в публичном (политическом) пространстве, однако сами не составляют политики. Наверняка сюда принадлежат убеждения религиозного и этического характера; чем-то существенным здесь представляется тип этики». В качестве главной задачи он ставил перед собой перестройку этой сферы. Ей следовало бы опираться главным образом на «религию национальной элиты (которая — *М.К.*) должна будет обращаться к славянским образцам, так как они попросту являются нашими собственными и сидят в той культурной почве, которую все мы наследуем» (интервью Матеуша Пискорского // *Одала*. 1996. №4), а также на героическую этику: «Ее (национальной религии — *М.К.*) формы должны выражать и пропагандировать идеал героической этики, формулировки которого мы находим во многих традициях; в европейском достоянии ее, пожалуй, величайшим покровителем является Ницше, у нас — Стахнюк, Шукальский, в какой-то степени Бжозовский». На практике это должно было бы выглядеть специфическим образом: «Генерал плюс национально-либеральная общественно-экономическая программа, но с элементами промышленной и социальной практики — такова эта модель» (там же).

Местами ошеломляющий характер носит и программа «Никлота», которая содержит открытую декларацию расизма: «Мы противостояем смешению культур, языков, народов и рас», — а также: «Нашей целью является культурный экспансионизм, так как в противном случае мы сами станем жертвами экспансии чужой культуры». Программу «Никлота» несколько лет назад распространял Матеуш Пискорский, «мозг» щецинского отделения, самого активного и вместе с тем самого радикального по взглядам. Пространный и исчерпывающий текст о деятельности этого бывшего депутата «Самообороны» опубликовал Рафал Панковский в вышецитированной статье. В контексте настоящей статьи стоит привести следующую цитату: «Пискорский и Мартыновский вместе с друзьями, наци-скинами из так называемого Ордена задруги «Северный волк» совершили визит в Москву, встретившись с тамошними лидерами ультранационалистических групп. Позднее по приглашению журнала «Одала» в Польше гостил, в частности, Павел Тулаев, один из предводителей русских националистов-неоязычников». Политическая карьера Пискорского, которая все время проходит под знаком коллаборационизма с радикальным русским империализмом, а также с экстремальным неоязыческим национализмом, прямо-таки пестрит подобными событиями.

«Группа Одалы»⁴

Щецинское отделение «Никлота» вело, как уже упоминалось, наиболее оживленную деятельность. Это вытекало из того простого факта, что его история старше истории самого «Никлота». Деятельность щецинцев восходит к началу 1990-х, когда несколько местных наци-скинов и фанов блэк-металла, находящихся под явно выраженным идеологическим влиянием Адольфа Гитлера и ультрарадикальных расистских теорий, основало неформальную группу «Национал-социалисты». Вскоре после этого они начали издавать свои первые публикации: пропагандистскую брошюру «Национал-социализм. Основные принципы и идеалы» авторства Дэвида Мьятта, идеолога британского Национал-социалистического движения, «Вадеру» — газетку для расистов-скинхедов, а главное — журнал «Одала», представляющий их идеологическую платформу. От названия этого журнала ко всему указанному сообществу пристало неформальное название «одаловцы» или «группа Одалы». Бесспорно, оно было и по-прежнему остается — лишь в более закамуфлированной форме — одним из самых экстремистских политических объединений в истории Польши.

Журнал «Одала» с первого номера злоупотреблял славянскими традициями по всему фронту. На его обложке средневековый ратник с символом Одалы на шишаке убивает топором католического монаха. А внутри номера — в антураже исконной этнической чистоты — был помещен обзор исторических тезисов на тему о происхождении славян. Чтобы еще больше уточнить идеологический профиль «Одалы», достаточно привести

несколько заголовков из того же самого дебютного номера: «Теория расы СС», «Социальная политика Гитлера», «История СС», «Люциферинское язычество».

Фирменным знаком «Никлота», а в особенности «Одалы», приоткрывающим также индивидуальную черту личности Пискорского, были и остаются странные союзы. Первым стало соглашение с щецинской организацией «Всепольской молодежи», направленное против размещения в этом городе Многонационального северо-восточного корпуса, в состав которого вошли армейские подразделения из Польши, Германии и Дании. Вторым — подписание избирательного соглашения с крестьянской партией ПСЛ в парламентской кампании 2001 года. Одаловцы выступали тогда под вывеской ультракатолической Национальной партии — в тот период они, кроме того, включили в свои ряды ее региональное отделение. Похожее сближение произошло и вследствие их подключения к «Самообороне».

Объединение патриотической молодежи «Свящица»

Однако вовсе не «Никлот» был первой неоязыческой группой, с которой партия Анджея Леппера заключила союз. Первой стало Объединение патриотической молодежи «Свящица» из пункта зарождения «Самообороны» — Кошалина, родной земли ее председателя. «Свящица» (старославянское название свастики) образовалась из союза местных группок наци-скинов и блэк-металлистов. Эти компании сблизились благодаря общим взглядам — антисемитизму, расизму, увлеченности разными оттенками фашизма, ненависти к «еврейскому христианству», а цементировали их неонацистская музыка NSBM и RAC (Rock Against Communism) плюс совместные акции «в городе»: нападения и избиения «неполноценного элемента»: в кошалинских условиях за неимением других групп на роль всеобщей угрозы превосходству белой расы поневоле должно было хватить тамошней альтернативной молодежи.

Группу всерьез объединили и скрепили обращения ее членов к своеобразно понимаемой языческой традиции славянства. Отсюда был уже только шаг до официального возникновения — в конце 1990-х — Объединения патриотической молодежи «Свящица». Вскоре его члены создали Орден задруги «Северный волк» — реконструкционную группу, воспроизводящую костюмы и обычаи славянских ратников раннего средневековья. В некоторых из своих презентаций они сочетали показы средневековых боев с фашистской пропагандой.

В своем программном кредо «Свящица»-Орден декларирует: «Как Орден задруги «Северный волк», как чистокровные патриоты, языческие арии-славяне мы не можем пассивно бездействовать перед лицом антипольской и антиславянской травли на Западе. (...) Мы — польские, славянские национал-социалисты. (...) В условиях гнилости и мультирасовости Запада только объединенная Славия — северная империя восходящего солнца — представляет собой надежду для белой расы». В первые годы XXI века эта группа заключила соглашение с «Самообороной», что немедленно нашло живописное отражение в ходе пресс-конференций Анджея Леппера, на которые тот стал приходить «под охраной» средневековых славянских воинов. Другим результатом такого союза было появление «свящичевцев» в избирательных списках «Самообороны».

Националистическое объединение «Задруга»

Самая новая и в последнее время самая активная националистическая организация, ради своих радикальных шовинистических и расистских целей манипулирующая славянскими традициями, — это Националистическое объединение «Задруга». Оно возникло в 2006 г. во Вроцлаве, а активными ячейками располагает, в частности, в Зеленой-Гуре и Гожув-Велькопольском. Возглавляет «Задругу» Дариуш Петрик. Группа — что вполне очевидно, учитывая ее название, — ссылается на Стахнюка и довоенную «Задругу». В качестве главной цели она выбрала «панславистскую революцию», результатом которой должно стать возникновение «объединенной Славии» как противовеса Евросоюзу.

Члены новейшей «Задруги» дали возможность познакомиться с ними в публичной сфере главным образом благодаря участию в ежегодных годовщинах начала силезских

восстаний, проводимых на горе св. Анны, где они появляются под знаменами со стилизованной свастикой.

На пороге возрождения?

Естественно, возвещать грядущий ренессанс общественной заинтересованности славянством — это по существу гадать на кофейной гуще, в лучшем случае — высказывать благое пожелание. Тем не менее многократно упоминавшаяся книга Марии Янион «Удивительное славянство» породила заметное интеллектуальное брожение умов и явное оживление в рассмотрении проблематики славянского наследия. Исследовательница ввела эту тематику в публичный дискурс, действуя зачастую прямо элементарно и сделав ее целью изысканий, свободных от националистической — полоноцентрической — смеси высокомерия, мегаломании и комплексов.

Любопытный текст «Славянские обряды в польской политике» поместил, к примеру, в социал-демократическом ежемесячнике «Дзись» («Сегодня») его зам. главного редактора Стефан Опара. Из травмы в коллективном общественном подсознании поляков он сделал ключ к истолкованию многих событий в политическом настоящем нашей страны. Это клеймо — результат утраты собственной, «своей» культуры вследствие силой навязанного стране крещения, а также сотен лет католической культурной монополии. По мнению Опары, «живой особенностью польской политики вплоть до сегодняшнего дня остается нарочитый, демонстративный культ умерших. (...) Вот 11 ноября 2007 г. по случаю празднования Дня независимости президент принял решение о присвоении очередных воинских званий 14 200 военнослужащим и полицейским, уничтоженным за 67 лет до этого в советских лагерях для военнопленных. (...) Правда, везде случаются продвижения по службе отдельных военных и полицейских, которые погибли в ходе каких-то операций, но подобная акция для почти полутора десятков тысяч лиц, убитых в первой половине минувшего столетия, — это скорее нечто необыкновенное. (...) Тем самым духовенство, по необходимости одобряющее этот славянский культ умерших, а также политики, пытающиеся использовать подобные языческие обряды, считаются с силой извечной традиции. Может быть, даже неосознанно преклоняются перед ней». Тезисы Опары нашли полное выразительности отражение в торжественных общенациональных священнодействиях после смоленской катастрофы, а язычески-славянский элемент по-прежнему продолжает оставаться сильной, хотя и мало осознаваемой составной частью «польской души» и менталитета.

¹ Pankowski Rafał. Podpis posła ze swastyką. Jak z neonazisty zostac posłem Samoobrony // *Nigdy więcej*. 2006. №15. — Авт.

² В ноябре 2009 ЕСМ прекратил свое существование. — Ред.

³ У современных русских националистов прижилась калька «Рогатое сердце». — Пер.

⁴ Так называемая «руна Одала» служила символом гитлерюгенда и послевоенной немецкой неонацистской организации «Викинг-югенд», — объявленной в 1994 г. вне закона.